

РУДИНЪ

№ 1.

Б.П

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ	Сонетъ	ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ	Эрмитажъ (стихотв.) . . . . .
ВЛАДИМІРЪ ЗЛОБИНЪ	Д. Рудину (стихотв.)	М. А. РЕЙСНЕРЪ	Өеелә . . . . .
ДИМ. КРАЧКОВСКІЙ	Въ Симбирскомъ	МАРИНЪ	Бальмонтъ Шаманитъ . . . . .
саду (разсказъ)		С. КРЕМКОВЪ	Заклинаніе . . . . .
ВЛАДИМІРЪ ЗЛОБИНЪ	Жажда (стихотвор.)	П. БЪЛОЗЕРСКІЙ	О Рудиныхъ и За-
ЮЛІА ХИТРОВО	Перегородка (разск.)	ратустръ	
АНЖЕЛИКА САФЪЯНОВА	Intime (стихотвор.)	Л. ХРАПОВИЦКІЙ	„Краса“ . . . . .

ОБЛОЖКА	Е. Праведникова.
КАРРИКАТУРЫ	А. Топикова.
ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ	С. Н. Грузенберга.

ПЕТРОГРАДЪ.

Типографія Альтшулера, Фонтанка 96.

1915.

Посвящается
Рудину.

В о ж е т ь .

Страданія послѣдній монологъ,
Живой обманъ, на истину похожій,
Становится печальнѣе и строже
И, наполняя болью каждый слогъ,

Уходитъ, какъ освобожденный богъ,
Склониться у невѣдомыхъ подножій.
Но ты—другой. Какъ нищій и прохожій,
Поэзіи непонятой залогъ,

Всегда одинъ, смѣшонъ и безразсуденъ,
На баррикадахъ умеръ Рудинъ.
Когда-нибудь нелицемѣрный судъ

Окончить ненаписанныя главы—
И падшихъ имена произнесутъ
Широкія и полныя октавы...

Лариса Рейснеръ.

Мы то же тѣ, чья кровь обречена
Не причащать изъ драгоцѣнной чаши.
На мѣрь, какъ на чужое и не наше,
Мы смотримъ изъ открытаго окна.

И, взявъ себѣ Любовьницу изъ Музъ,
Мы всюду будемъ приняты въ гостинной,
Сгибая къ старости сухія спины,
Носившія большой, но легкой грузъ.

И, какъ-нибудь упавъ, не сможемъ встать:
Такъ дѣти, расшалившіяся въ жмурки,
Роняютъ на полъ дряхлыя фигурки,
А послѣ забываютъ ихъ поднять.

Владимѣръ Злобинъ.

ДИМ. КРАЧКОВСКИИ.

Въ Симбирскомъ саду.

Въ Симбирскомъ саду ужинали за отдѣльнымъ столикомъ пять человѣкъ. Довѣренный торговой фирмы, кандидатъ философскихъ наукъ и три барышни. Какія это были барышни—никто не зналъ. И довѣренный и кандидатъ только что познакомились съ ними.

Въ саду игралъ оркестръ слѣпыхъ. Глаза всѣхъ музыкантовъ были закрыты темными очками, чтобы не возбуждать отвращенія у господъ ужинающихъ.

Когда наступилъ поздній часъ, кандидатъ и довѣренный заспорили.

— Я до гробовой доски останусь философомъ,— сказалъ кандидатъ.— Одна философія знаетъ, гдѣ раки зимуютъ.

— Съ вашей философіей не больно далеко уѣдешь,— отвѣтилъ довѣренный.— Вы лучше скажите, какая цѣна теперь на сенсинскаго бобра?

— Сенсинскаго?

— Именно.

Слѣпой скрипачъ настраивалъ скрипку.

— Ахъ,— вздохнула одна барышня,— она отличалась непомѣрной полнотою, но у нея были красивые руки и красивые глаза.— Я люблю все пушистое, все шелковое, но въ дѣтствѣ у меня не было ни мѣховъ, ни шолка.

— А я люблю деньги,— замѣтила другая,— она когда улыбалась, всегда закрывала ротъ салфеткой.

— Я никого и ничто не люблю,— сказала третья. Эта женщина была аккуратно и даже тщательно одѣта. Платье льнуло къ ея тѣлу и любило ее.

Музыканты начали играть. Всѣ они устались темными очками въ ту сторону, гдѣ никого не было. Тамъ на пустынной, освѣщенной площадкѣ, подъ электрическимъ фонаремъ носились бабочки, и старикъ сторожъ палочкой ковырялъ землю.

Кандидатъ философскихъ наукъ подъ столомъ крѣпко сжалъ руку полной барышни.

На разсвѣтѣ музыканты встали со своихъ мѣстъ и гуськомъ отправились въ заднюю комнату ресторана. Они прикасались худыми пальцами къ спинѣ другъ друга и старались не сбиться съ дороги. Тамъ имъ былъ приготовленъ чай съ булками.

— Кажется прохладно,— сказалъ одинъ.

— Да,— отвѣтилъ другой,— скоро начнутся осеннія ночи.

— Мой сынъ,— замѣтилъ третій,— очень полюбилъ своего щегленка.

— Я, сказалъ четвертый,— задыхался сегодня въ саду отъ какого-то прогорклаго запаха.

Пятый слѣпой тихо плакалъ надъ своимъ стаканомъ, но старался плакать такъ, чтобы остальные не замѣтили.— Вы, кажется, кашляете?— спросилъ шестой.

— У меня болитъ зубъ.

— Неизвѣстная барышня,— сказалъ седьмой,— положила въ мой карманъ деньги. Я не успѣлъ спросить,— сколько.

— Вы никого и ничто не любите?— спросилъ довѣренный барышню, съ влюбленнымъ въ нее платьемъ.— А сунули въ карманъ слѣпого пять рублей.

Они сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ.

— Я не отвѣчу на вашу вопросъ.

— Почему?

— Не хочу.

— Я подарю вамъ кольцо съ бирюзою.

— Дарите. Я отдамъ кольцо слѣпому.

— Онъ не увидитъ его великолѣпія.

— Я тоже не увижу.

— Кто вы?

— Я—человѣкъ.

Довѣренный отшвырнулъ отъ себя руку барышни. Она застегнула на груди пуговицы. Снова влюбленное платье ласкало ее.

Довѣренный вышелъ въ корридоръ. Тамъ онъ столкнулся съ кандидатомъ философіи.

Философъ взволнованно вытиралъ платкомъ лобъ и бросался изъ угла въ уголъ.

— Моя невинная барышня съ голубыми глазами,—воскликнулъ онъ,—украли у меня пятьдесятъ рублей. Я хочу звать полицію.

— Успокойтесь,—сказалъ довѣренный.—Будьте философомъ.—Если нѣтъ денегъ,—возьмите, сколько нужно. Завтра у меня выгодное дѣльце съ синскими бобрами.

— Давайте деньги,—и философъ спряталъ въ карманъ платокъ,—а эту потаскушку я выгоню вонъ.

Онъ схватилъ деньги и бросился назадъ въ кабинетъ.

Утромъ, когда было уже жарко и проснулись всѣ слѣпые—третья барышня, влюбленная въ деньги, ушла въ глухую алею сада, и вынула изъ корсета письмо.

„Ты забудь всѣ свои бредни,—было написано

въ письмѣ,—прошлаго не вернуть. Я женюсь. Не подыхать же мнѣ съ голоду“. Она растерянно глядѣла по сторонамъ, а потомъ подошла къ кусту розъ и сорвала одну. Она поцѣловала ее. Потомъ оглянулась и быстро побѣжала къ бесѣдкѣ. Деревья и кусты скрывали бесѣдку. Въ ресторанѣ лакеи покрывали столы свѣжими скатертями.

Слѣпые гуськомъ отправились гулять.

— Вы, кажется, опять кашляете?—спросилъ одинъ.

— У меня болитъ зубъ.

— Надо купить щеглу самку. Лѣтомъ птицы скучаютъ въ заперти.

— Воздухъ какой-то прогорклый. Вѣроятно,—тучи.

Они вошли въ бесѣдку.

Слѣпой съ больными зубами споткнулся.

— Здѣсь кто-то лежитъ.

— Можетъ быть, собака?

— Можетъ быть, человѣкъ?

Онъ склонился и началъ щупать руками. Онъ прикоснулся пальцами къ лицу женщины.

— Человѣкъ!

— Спать?

— Не знаю.

Онъ опустил на колѣни и приподнял голову. Голова не шевелилась.

— Женщина! Она мертва!

Слѣпые тѣсно прижались другъ къ другу. Они смотрѣли темными очками въ ту сторону, откуда пришли, и въ темной безднѣ ихъ ночи вставалъ образъ мертвой женщины.

Дим. Крачковскій.

Жажда.

Порвать себя какъ тряпку на куски
И выбросить канавамъ, или тинѣ.
И вздрогнуть, если радости отнынѣ
Забудутся и стануть далеки.

Быть гордымъ, не сгибаться пополамъ
Въ сраженіяхъ сознанія и плоти;
И всетаки на первомъ поворотѣ
Продаться неразборчивымъ устамъ.

Быть бѣднымъ, какъ сжигающій огонь,
Не видѣть даже солнечнаго свѣта
И лечь, какъ драгоцѣнная монета
Кому-нибудь въ просящую ладонь.

Владиміръ Злобинъ.

Ю. ХИТРОВО.

Перегородка.

Червь вражды между моей матушкой и ее сестрой настолько расколол отношения, что жизнь обихъ, казалось, прошла на разных планетах, сношения съ которыми могли составлять лишь мечту какого-нибудь фантазера-астронома. Озлобленно отвернувшись другъ отъ друга, сестры прошли жизнь по путямъ, которые даже на горизонтѣ не сливались въ одну точку.

Часы давно отсчитали 19 лѣтъ съ момента разрыва двухъ молоденькихъ созданий.

Кресло моей матери, въ которомъ она провела послѣдніе 10 лѣтъ своей жизни, опустѣло и было продано переплетчику: молодой мужъ рѣшилъ сдѣлать сюрпризъ своей женѣ.

— „У меня дочка родилась, да такая лапушка, что я безъ слезъ смотрѣть на нее не могу. Да видите бѣда въ чемъ: жена грудью кормить сама и стала жаловаться что-то въ послѣднее время: говорить,—спина болитъ... Ну, а въ креслицѣ кормить дитѣ разудобно будетъ ей...“ — Такъ пояснилъ мнѣ нѣжный отецъ, вытаскивая на лѣстницу цѣлую эпоху изъ моей жизни, радуясь миру и любви, съ которымъ наше кресло страданій вкатится въ новую „переплетную“ жизнь.

Распродавъ всѣхъ нѣмыхъ участниковъ и свидѣтелей совмѣстной жизни съ матушкой, я приѣхала въ холодный городъ.

Жадно перебѣгаютъ мои глаза отъ одного билетика на воротахъ къ другому, ища угла, гдѣ можно спать, не очень мерзнуть и заниматься. Послѣ долгихъ утомительныхъ поисковъ, я обрела наконецъ чудо: „Комната сдается теплая, сухая, съ мебелью и услугами за 12 руб. въ мѣсяцъ, входъ съ черной лѣстницы“. Литературную половину объявленія прочла я мелькомъ, но при видѣ цифры „12“ сердце мое ёкнуло!

Дворникъ показалъ дебри входа на „черную“... Мигомъ очутилась я на пятомъ этажѣ и позвонила. Женщина съ парой собачьихъ глазъ внимательно выслушала меня и тихо прибавила: „шагай за мной“.

Корридоръ.. иду по слуху, ни зги не видя передъ собой... Дверь, свѣтъ... и крохотная комната протянула мнѣ лучистую ручку: окно было заполнено солнцемъ!

Великолѣпно, — отстукивало мое собственное сердце.

— „Можно сейчасъ и переѣзжать?“ — нетерпѣливо спросила я.

— „Потерпи, спрошу у Юліи Михайловны“.

Я присѣла на стулъ и вдругъ почувствовала, какъ больно заняли ноги: видно къ лѣстницѣ привыкать придется, высоко.

— „Хочетъ нанять?“ — По корридору приближался чей-то странно знакомый мнѣ голосъ.

— „Отчего же, можно“. — И съ этими словами въ дверяхъ остановилась женщина съ удивительно молодымъ лицомъ и совершенно старческой фигурой...

— „Здравствуйте, желаете сейчасъ поселиться у насъ? Это комната хорошая, но вотъ помѣха“, — и хозяйка слегка хлопнула ладонью по стѣнкѣ, которая вся затрепетала отъ этого дуновения.

— „Деревянная перегородка здѣсь, видите... и близость кухни мѣшать вамъ будетъ... вы вѣдь курсистка?“

Быстро и мелькомъ поглядывая на меня, Юлія Михайловна рекомендовала комнату совершенно не стѣсняясь, и обращая мое вниманіе только на ея недостатки. На эту несвойственную хозяйкамъ искренность я сказала что-то лестное по адресу обвиняемой, а сама не могла отвести глазъ отъ лица хозяйки: на Матусю похожа... губы Ма... и ротъ открываетъ такъ же...

Сходство съ матерью дробью заколотило по моему тѣлу: растерянная и жалкая стояла я передъ старухой...

А между тѣмъ дѣловой разговоръ былъ оконченъ, и комната осталась за мной.

Юлія Михайловна ничего не спросила меня о часѣ моего возвращенія домой по вечерамъ, о многочисленности студентовъ, меня посѣщающихъ, не заикнулась даже о такомъ остро-модномъ вопросѣ для квартирныхъ хозяекъ, какъ вѣроисповѣданіе...

— „Милости просимъ, переѣзжайте сегодня“, — кивала она мнѣ своей волнистой шевелюрой.

Милая, добрая... потѣчали ей мои глаза...

Гадѣнышъ, змѣя, — шептало гдѣ-то внутри меня.

— „Очень рада буду жить у васъ“, — громко заявляла третій элементъ моего „я“ на привѣтливыя слова старухи...

Бѣгу внизъ довольная, довольная...

А сходство хозяйки съ моей Ма тревожнымъ комочкомъ опустилось куда-то глубоко на самое дно моей нервной системы, и нити отъ пораженного мѣста начали слабо протягиваться къ моему мозгу... Я ничего этого не поняла тогда.

Безъ думъ роковыхъ неслась я на передней площадкѣ трамвая къ вокзалу за оставленнымъ на храненіе чемоданомъ. Вагоновожатый отбивалъ ногой тактъ опасности по звонку, вѣтеръ гулялъ по моимъ волосамъ, свистѣлъ въ ушахъ, а мысли нелѣпныя и юныя кружили въ головѣ. Нѣтъ радостнѣй для человѣка, какъ мчатся впередъ быстро, быстро и думать о томъ, что „мнѣ 20 лѣтъ и ждеть меня корона“.

Я невольно смѣюсь, вспоминая мой темно-коричневый чемоданъ. Подарилъ мнѣ его дядя, возвращаясь изъ Лондона; онъ очень подчеркнул: „береги его, я заплатилъ за него не дешево, кожа великолѣпная и видъ приличный“. Дядя славился болѣзненной жадностью, и вдругъ такой цѣнный подарокъ!

Оказалось, однако, что у чемодана была своя трагедія.

Выѣхалъ онъ изъ Англій во всемъ блескѣ мѣдныхъ замковъ, гвоздей, наугольниковъ и благополучно пріѣхалъ въ Верхболово... Пока дядя, какъ подобаешь истинному россу, взволнованно возился

съ паспортами, черненькая собака, обнюхавъ важнаго иностранца, рѣшила увѣковѣчить себя: подняла ножку и визитная карточка съ чувствительной надписью была оставлена: „я прекрасный Бубликъ люблю все молодое и привѣтствую всѣхъ пѣсиковъ большихъ и малыхъ, и кто изъ васъ встрѣтитъ на пути своемъ этотъ чемоданъ — да не забудетъ меня“.

Многія потомства всевозможныхъ собачьихъ породъ свято исполнили желаніе завѣщателя: гдѣ бы ни появился злосчастный чемоданъ, собачій привѣтъ былъ ему обезпеченъ. Я давно привыкла къ этой его особености и меня всегда забавляла неустанная борьба съ четвероногими за неприкосновенность моего англичанина со стороны провожавшихъ друзей. Напрасно, человѣкъ бываетъ безсилень передъ солидарностью!

Вечеромъ я пила уже чай „на новосельи“, развѣсила „гардеробъ“, а главное — нервно привыкала къ моей случайной сосѣдкѣ, каждое движеніе которой, каждый вздохъ, ясно и отчетливо отдавались въ моихъ владѣніяхъ. Отъ близости ли этихъ шороховъ, или потому, что я устала, настроеніе мое упало, горестная мелодія покрыла всѣ молодые побѣги надеждъ, выросшіе за день на благодатной нивѣ моихъ 20 лѣтъ.

Но все равно, фактъ совершился и кухарка Катя оказалась моей интимной сосѣдкой.

Бываютъ странные сосѣди... Помню... когда глаза Ма плотно закрылись, я сама поѣхала на кладбище выбрать „мѣсто“. Пелена слезъ укутала отъ меня весь Божій міръ... Но любопытство превозмогло горе, и мысль, кто будетъ могильнымъ сосѣдомъ у Ма, сильно занимала меня...

— „Въ этомъ ряду первое мѣсто съ края — куплено, сударыня, а вотъ, здѣсь, подалѣ... здѣсь можно ха-а-рошую могилу вырыть“, — услужливо говорилъ мнѣ кладбищенскій сторожъ, лопатой показывая на „уютный“ четвереугольникъ между двухъ тоненькихъ березъ. Рыдая дала я свое согласіе, и гробокопатель началъ ужасную работу... А рядомъ стоялъ толстый, высокій, дубовый крестъ, сочными черными буквами по бѣлому фону, вылѣзала надпись:

„Саша, потѣшалъ ты насъ
Слишкомъ мало,
Чтобы по тебѣ сердце вяло!
Оставилъ печаль навсегда
О, Саша, моли Творца о насъ всегда.
Сынъ старшаго стражника.
Родился въ 1889 г. умеръ въ 1890 г.“.

— „...Здравствуй Петя, что такъ поздно? Думала и совсѣмъ не придешь!“ — привѣтствовала Катя за перегородкой, очевидно, „своего“.

— „Ну, одѣвайся, да живо идемъ... Только деньги съ собой прихвати, а то у меня кошелекъ съ штановъ сцапали, не на что и въ кинематографъ идтить!“

— „Ой“, — испуганно вскрикнула Катя, а черезъ секунду успокаивала: — „Только не огорчайся, Петюша, у меня денегъ хватить“, — и дунувъ въ стекло лампы, Катя шумно стала запираеть кухонную дверь.

Такъ прошелъ первый вечеръ въ новомъ углу

II.

Мы стали жить съ Катей какой-то странно по-хожей жизнью; хотя передо мной лежали только книги, и я вбирала въ себя буквы, которыя мой мозгъ плавилъ и посылалъ по невѣдомымъ путямъ, а Катя подбрасывала только полѣнья въ огонь и все о чемъ-то вздыхала, но мы были съ ней въ чемъ-то—одно. Разговоръ у насъ съ ней не налаживался. По утрамъ, входя ко мнѣ, Катя кромѣ саговара вносила еще какъ будто звукъ лопнувшей кастрюльки или горшка...

Весь день почти на кухнѣ не слышно было человѣческихъ голосовъ... Изрѣдка заходила туда хозяйка, и что-то неясно тревожное ударяло мнѣ въ голову при звукахъ ея голоса. Самый обмѣнъ мыслей двухъ женщинъ больно задѣвалъ и мучилъ меня...

— „Я тебѣ давно, Катя, сказала, что кухарка должна красть, но кради ради Бога такъ, что-бъ я этого не замѣчала!“

— „Ну, что вы, Юлія Михайловна,—оборванными звуками оправдывалась Катя.—Я торговаться умѣю... плохо... съ лавочниками... а...“

Какъ люди одного вѣка похожи другъ на друга,—въ чемъ то успокаивала я себя, чувствуя какъ отъ діалога между Катей и хозяйкой мои щеки залила стыдливая волна воспоминаній...

... Покойная Ма такъ же грубо и вмѣстѣ съ тѣмъ мудро разговаривала съ прислугой. И она, милая, часто плевала человѣку въ глаза фразу: „кради, но не нагличай!“ И выходило какъ то такъ, что нагличанье и есть смертный грѣхъ, но совѣсть не присвоеніе чужой собственности.

„Ты, зайныка“, отвѣчала Ма на мои протесты по этому поводу „глупая: слово „кради“ есть въ жизни просто глаголъ не „страдательнаго“, а „дѣйствительнаго“ залога, слѣдовательно обозначающій дѣйствіе безъ причиненія страданія другому существу. Такъ грамотеи обозначили это слово, такъ оно и гуляетъ съ человѣками по свѣту, ибо вѣрь мнѣ—всѣ крадутъ: ты, я, совѣсть, любовь... Нужно только умѣть понимать“...

Дни бѣжали и мало по малу полюбилась мнѣ тонкая стѣна перегородки, отдѣляющая меня, барышню, отъ міра кухни и Кати. Полюбила я ихъ вечерніе разговоры съ Петромъ; тягуче длинно расплетались подробности илотской жизни.

И вотъ трогательная разница: мы за „перегородкой“, къ счастью или горю, нашли выходъ для чернаго дыма, идущаго изъ нѣдръ нашей души, это—слова и трагическія позы! Когда мы клеймимъ „его“ или восхищаемся, „ею“ мы дѣлаемъ это въ такихъ щемяще красивыхъ выраженіяхъ! Правда, они взяты нами напрокатъ со страниць психологіи, исторіи литературы, логики... Все это пестрымъ узоромъ вросло въ наше душевное помѣщеніе и такъ глубоко пронизало насъ, что иногда докторъ Гегель не мало былъ бы удивленъ, увидя свою мантію живописно струящейся по плечамъ студента Соплякова.

Порой мою голову посѣщала смѣшная идея: дать хорошенько кулакомъ по этому хитроумному

сооруженію, отдѣляющему козловъ отъ агнцевъ, и конецъ: кухни нѣтъ, барышни нѣтъ... Все провалилось... Это такъ легко...

И вспоминается мнѣ давно забытая поѣздка и давно забытыя слова.

„Э, голубчикъ“, говорилъ пьяненькій пассажиръ своему собесѣднику, а всѣхъ насъ, рядомъ сидѣвшихъ, пиналъ и раскачивалъ со стороны въ сторону вагонъ третьяго класса.

„Экваторъ вздоръ, кто эту линію видалъ, скажи мнѣ кто?—Ты?—Да еслибъ она и была на самомъ дѣлѣ, то ее, пурпурной мой, подчистить и подскоблить всегда возможно“.

Хорошо, что пьяница не дожилъ до пониманія „линій“ отдѣляющихъ человѣка одной категоріи отъ другой; сатана выковалъ это понятіе изъ лучшей драгоцѣнной струны своего дьявольскаго мозга... Человѣчество давно знаетъ, что „подскоблить“, „перешагнуть“ или взять безъ боя этого „кратчайшаго разстоянія между двумя точками“—нельзя. Оно топится и исчезаетъ въ веществѣ, наукѣ химіи не совсѣмъ извѣстномъ, но люди зовутъ его почему то „кровь“...

Какъ я уже говорила, моя Катя не знала красивыхъ словъ, однимъ сочетаніемъ буквъ, однимъ звукомъ волнующихъ интеллигента, и разговоръ, происшедшій между ней и Петей былъ необычайно простъ:

„Петя, выпей немного, вотъ и закуси“.

— „Не хочу“, сипѣлъ Петя, „развѣ я пьяница“.

„Что ты, я и не думала тебя обижать“.

Слышно, какъ Петя что-то глотаетъ.

— „Не ладно мнѣ сегодня, Катюша... Велѣла барыня замокъ фринцузскій въ парадную врѣзать и спрашиваетъ, такъ, смѣючись, паршивая: „а сумѣешь ли Петръ?“

Свой сиплый голосъ рассказчикъ замѣнилъ пискливыми нотами яко-бы благороднаго голоса барыни.

— „Вѣдь это французскій надо умѣть!“

Катя самодовольно смѣется. Петя снова пьетъ.

— „Ну, я ей и говорю“:—Очевидно, послѣдняя капля влаги изъ бутылки вылита.

— „Прими со стола, не хорошо, барыня вытти могутъ и дурное подумаютъ о тебѣ, Катюша... Такъ я ей говорю: Сударыня, что мнѣ Вашъ замокъ, не испужаете, я на своемъ вѣку не такіе еще вставлялъ, поважнѣе; не чета вашему дохленькому ключишкѣ... Ну и сработалъ... Болѣ нѣтъ у тебя?“

„Нѣтъ“, коротко отвѣтила Катя.

— „Ну а послѣ обѣда“, продолжалъ Петя, „Ляксѣй швейцаръ пошту принесъ и, сивухинъ песь, набрякалъ барынѣ, быдто это я замокъ кверху ногамъ вставилъ...“

Неловкое молчаніе.

— „Да и барыня дурѣха... запищала, да заколыхалась, а я ей и говорю: Чаво, сударыня, измывааетесь. Только и горя всего, что ключишку надо сажать въ скважину не брюшкомъ внизъ, а брюшкомъ вверхъ—вотъ и весь разговоръ“.

Петръ побѣдоносно заходилъ по кухнѣ. Катя съежилась и молчитъ.

„Петя“... Донесся ко мнѣ тяжелый шопотъ.

„Петя, а не лучше ли намъ законнымъ бра-

комъ, какъ слѣдуетъ, въ церкви... вотъ и барыня говорить... лучше, вѣдь я честной дѣвушкой тебя полюбила..."

Долго Петръ крѣпился съ отвѣтомъ и наконецъ задушевно ласково отвѣтилъ:

— „Эхъ, милая Катюша, я бы сейчасъ готовъ... да разсуди сама... такъ какъ теперь мы съ тобой— только людей за нось водимъ: кума мнѣ Катъка и баста, безо всякаго... Ну, а ежели въ церковь пойдемъ— грѣхъ смертный съ тобой на душу примемъ: Бога надуемъ“.

Катя суетливо встала и подошла вплотную ко мнѣ... порывисто протянула я ей руку, но мои пальцы стукнулись въ перегородку.

— „Не пялься на меня, вѣрно говорю“, уже рѣзко выкрикивалъ Петръ.

— „Какъ входить, это, невѣста въ церковь, въ платьѣ бѣломъ, и на головѣ у ней цвѣтики Божьи невинности, такъ поютъ это ей сейчасъ съ клироса:

Гряди, гряди голубица!“

Голосъ Петра достигъ верхнихъ ноть восхищенія передъ торжественностью таинства. Катя чуть дышала...

— „И она значить глазамъ своими голубиными слушаетъ пѣсно дѣвичью... А ты“, переходя въ бѣшенство, „ты стерва, какая же ты голубица???... Нѣтъ, не проведешь, я Бога не надую, души не продамъ“. Неистово грохотала и перекатывалась по кухнѣ возмущенная совѣсть Петра.

Что то удушливое, щиплющее глаза, колющее сердце наполнило мою коморку. Слышно было какъ Катя хватала воздухъ, но воздуха не было... И не будетъ.

III.

7, 8, 9, 10... въ полуснѣ отсчитывала я удары часовъ на кухнѣ. Пора была вставать, но мое тѣло сладко лежало въ атмосферѣ ватнаго одѣяла и накопленной за ночь теплоты. Еще нѣсколько секундъ этого животнаго уюта, и одѣяло летитъ вверхъ. Ежась, я стою на холодномъ полу, ишу милыя принадлежности туалета, которыя 30 минутъ спустя дадутъ мнѣ возможность вмѣшаться въ уличную толпу. Никто не обратитъ вниманія, что мое пальто при 5⁰ мороза бросаетъ меня въ состояніе „цыганскаго пота“, что на моей головѣ вмѣсто пушистаго звѣря мягкими закругленіями легло поношенное, но благородное Borsalino...

— „Получи ка, барышня, самоварчикъ, съ утра страсть чаекъ животу любится“, и нѣчто маленькое, старенькое ворвалось въ мою комнату, звонко поставило самоваръ на столъ и повернуло что-то въ родѣ лица въ сторону моей ошалѣвшей фигуры, продолжая палить:

— „Купишь булокъ, али хлѣбецъ считаешь?“

„А гдѣ же Катя?“ плохо соображая спросила я.

— „Э, Катеринушка погрызлась съ любовникомъ и въ деревню укатила, таперь замѣсто ее я, Аннушка, кухаркой нанялась.“

Такъ неожиданно и стремительно вошла въ мою колею новая сосѣдка, а молчаливая Катя уѣхала, очевидно, за „кислородомъ“ въ деревню...

Струя чая, не скажу чтобъ душистаго, заставляла кусочки сахара въ стаканѣ таять... Я не могла отвести взгляда и долго наблюдала, какъ камушки рыхлѣли и исчезали подъ давленіемъ кипятка.

Безъ фразъ ушла Катюша въ даля жизни, исчезло и растаяло ея горе въ синевѣ моей души...

Аннушка, какъ мухоморъ послѣ дождя, рѣзала воздухъ своей яркой шумливостью и не давала мнѣ покоя.

Комната стала казаться мнѣ неуютной и душевной. Все чаще раздавались нравоученія хозяйки по адресу многорѣчивой Аннушки. Я сознавала, что квартира обрыдла мнѣ, и рѣшила съѣзжать. Случай раздвинулъ предо мною завѣсу свободного рѣшенія... Но не удержался и на прощанье оскалилъ пасть.

Вернувшись какъ то домой, я застала въ своей комнатѣ квартирную хозяйку... Она сидѣла около стола и плакала надъ портретомъ моей Ма... Сразу поняла я все, поняла, что предо мною тетя Юля, единственная и давно потерянная сестра моей матери!

Она не обратила вниманія на меня, и каменные слезы стучали, падая на стекло портрета.

Тревожный комочекъ, когда-то опустившійся на дно моей души, теперь выросъ въ большую глыбу, она поднялась на до мной и всей тяжестью обрушилась и разбила меня на тысячи осколковъ.

Каждый кусокъ визжалъ и корчился отъ боли.

„Не прошу“—кричала я,—„не прошу!“

„Вы украли у моей матери любовь, вѣру, вы украли у нея моего отца... вы надругались надъ вашей сестрой, какъ палачъ. И я презираю васъ и ваши грязныя сѣдины!“

Глубоко вонзила я мечъ словъ въ открытое сердце тетки, и нѣсколько разъ повернула его рукоятку... Старуха по прежнему меня не замѣчала.

Ураганомъ носилась я по комнатѣ, швыряя въ кучу свои тряпки.

Чась спустя сидѣла я уже на извожикѣ, мой скарбъ лежалъ у моихъ ногъ, и слезы, непонятныя слезы безграничной жалости къ оставленной теткѣ, застилали мои глаза и скатывались на стѣнку смѣшнаго чемодана.

Я ѣхала на новую квартиру.

Ю. Хитрово.

Intime.

(Вариантъ)

Я очень мечтаю о лирикѣ смерти,
 Какой то простой и печальной;
 О траурной рамкѣ на бѣломъ конвергѣ,
 О крепѣ, о ризѣ вѣнчальной.

Я очень мечтаю о лирикѣ ночи
 Въ степи, надъ зеленымъ бурьяномъ:
 Какой то родной и внимательный Зодчій
 Разставилъ курганъ за курганомъ.

Я очень мечтаю о пыльной дорогѣ,
 О паркѣ, о музахъ въ пыли, —
 Но бѣлыя ниши оставили боги,
 И блѣдныя музы ушли.

Анжелика Сафьянова.

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

Эрмитажъ.

Сегодня, какъ вчера, озлобленно-усталый
Я отдохнуть пришелъ въ безлюдный Эрмитажъ.
И день благословилъ серебрянный и талый,
Покрывшій пепельной неясностью порталы,
Какъ матовымъ стекломъ анатолийскихъ вазъ.

Въ упругой граціи жеманнаго Кановы,
Въ жестокой наготѣ классическихъ камней
Недвижно-радостны, мучительны и новы
Творящей красоты рельефныя основы,
Мечты, почившія въ безмолвіи камней.

Какъ правильно дворца нарядные пороги
Лѣпного потолка усиливаютъ гнетъ!
Неоживуть однажды скованные боги
И никогда пожаръ бичующей тревоги
Любви дарящаго полета не вернетъ.

М. А. РЕЙСНЕРЪ.

Ееела.

Отрывокъ изъ руководства для молодыхъ хозяевъ.

Ееела — имя собирательное. Филологически образовано такъ-же примѣрно, какъ шушера. Особыхъ признаковъ антропологическихъ нѣтъ, но узнается по поведенію: въ такихъ случаяхъ сразу говорятъ: „эхъ, ты, Ееела“. И этого бываетъ достаточно. вмѣстѣ съ тѣмъ Ееела есть понятие международное и междунаціональное. Она встрѣчается какъ среди англичанъ, нѣмцевъ, такъ и русскихъ. Въ послѣднее время обнаружены ея обширнѣйшія поселенія, можно сказать, цѣлыя залежи въ Волгаріи. Наше вниманіе мы посвятимъ преимущественно, хоть не исключительно, ееелѣ отечественной, тѣмъ болѣе, что она въ Россіи уже показываетъ нѣкоторую тенденцію къ вымиранію.

Водится ееела въ мѣстахъ низменныхъ и любитъ заниматься хлѣбопашествомъ. Однако методы примѣняетъ своеобразные. Землю ковыряетъ загадочно: деревянной сохой, которая пахать не можетъ.

Для своихъ операций время избираетъ не по погодѣ и времени года, а по календарю, который отъ истиннаго лѣтосчисления отстаетъ ровно на полтора мѣсяца. Такимъ образомъ, когда у людей іюнь, ееела изображаетъ май и очень удивляется, что въ маѣ такъ тепло стало. И наоборотъ осенью

ееела только хлѣбъ убирать собралась, а ночью уже морозъ ударилъ.

Въ видѣ плодовъ земныхъ особенно много выраживаетъ ееела два: недорода и голода. Питается ими съ упорствомъ чрезвычайнымъ. И когда отъ ееелиныхъ овощей начинаютъ животы пухнуть и зубы выпадать, то ееела переноситъ это съ великимъ смиреніемъ. Носитъ на кладбище покойниковъ, особенно младенцевъ, и считаетъ, что будто-бы это отъ Бога послано, а съ другой стороны и не безъ пользы: меньше ртовъ будетъ.

Разводитъ ееела и домашнихъ животныхъ. Въ особомъ изобиліи всякихъ паразитовъ, которыхъ кормитъ кровью собственнаго тѣла. Въ богатой семьѣ разводятся и тараканы. Послѣднимъ приписывается мистическое значеніе. Они будто-бы способны приносить богатство. Надо замѣтить, однако, что эти ожиданія у ееелы совершенно не оправдываются. Но тѣмъ не менѣе ееела системы животноводства не мѣняетъ.

Занимается ееела и отхожими промыслами. Причемъ проявляетъ пристрастіе къ болѣе грязнымъ, опаснымъ и хуже всего вознаграждаемымъ. Особенно пригодна ееела для сниманія съ нея верхнихъ кожныхъ покрововъ — въ просторѣчій для

сдиранія семи шкуръ. Съ успѣхомъ также изъ ееелы добывается потъ, который потомъ служитъ прекраснымъ смазочнымъ масломъ и предметомъ удобренія въ цѣляхъ промышленности.

Будучи подвергнута нѣкоторой механической и химической обработкѣ, еееела можетъ поставлять и болѣе цѣнный матеріалъ. Испытаннымъ здѣсь является примѣненіе особыхъ вытяжныхъ крановъ, работающих въ сочетаніи съ прессами высокаго давленія. Въ этихъ случаяхъ изъ еееелы безъ особенныхъ затратъ удается получить какъ различные предметы питанія, такъ и съ другой стороны металлы вплоть до драгоцѣнныхъ, серебра, платины и золота.

Уходъ за еееолой не представляетъ особенныхъ затрудненій. Это, впрочемъ, надобно сказать о еееелѣ прирученной и одомашненной. Еееела дикая, находясь на волѣ, обнаруживаетъ иныя черты. Благодаря занятію охотой, рыбной ловлей и первобытной торговлей она приобретаетъ ей несвойственный видъ и становится положительно неукротимой. У нея являются незнакомыя обыкновенной еееелѣ энергія, самостоятельность, гордость и честь. Съ такой выродившейся еееелой единственное средство—поголовное истребленіе ея вожаконъ и прирученіе стада.

Одомашненіе еееелы лучше всего происходитъ при помощи расселенія ея по равнинамъ и обращенія къ занятіямъ земледѣльческимъ. Исключительное занятіе хлѣбопашествомъ въ соединеніи съ полной другъ отъ друга изолированностью производить почти чудесное дѣйствіе. Нужно только стараться о томъ, чтобы загонъ для еееелы были окружены достаточнo крѣпкими, заборами и чтобы еееела не пробила себѣ путей сообщенія съ себѣ подобными. Отсюда ясно, что лучше всего поселить еееелу въ мѣстахъ окруженныхъ топью, горами или дремучимъ лѣсомъ.

Въ прирученномъ видѣ еееела скоро успокаивается и становится, какъ уже мы видѣли выше, пригодной и къ употребленію въ городахъ. Нравъ у нея вырабатывается прекрасный. Довольствуется она чрезвычайно малымъ. Недородъ и голодъ перевариваетъ прекрасно. Размножается съ быстротой необычайной и въ этомъ отношеніи подобна кроликамъ или мышамъ. Разведеніе еееелы поэтому очень скоро оплачиваетъ съ лихвой всѣ на нее сдѣланныя затраты.

Впрочемъ, теперь надо сказать нѣсколько словъ и о самыхъ приемахъ культивированія еееелы, такъ какъ здѣсь встрѣчаются нѣкоторые методы, которые неприложимы къ другимъ человѣческимъ породамъ. Между тѣмъ, само собою разумѣется, что несоответственное породѣ обращеніе можетъ легко вызвать ея вырожденіе или даже одичаніе.

Прежде всего еееела любитъ розгу. И это вполне естественно. Будучи характера флегматическаго въ высшей степени, обладая непреодолимой сонливостью, еееела, безъ искусственнаго возбужденія, представляетъ собой зрѣлище до крайности печальное: неуклюжая, неповоротливая, съ опухшими отъ спанья глазами, неопрятная и нечесанная, она еле стоитъ на ногахъ и въ лучшемъ случаѣ издастъ какое-то сопѣніе. Къ труду, а тѣмъ болѣе къ инициативѣ она абсолютно не способна.

Розга употребляется въ двухъ видахъ—горячемъ и холодномъ. Въ первомъ случаѣ въ особія помѣщенія пускается паръ съ горячихъ камней, еееела раздѣвается до гола, потѣетъ, и затѣмъ или хлещетъ себя сама съ ожесточеніемъ, пока не побагровѣетъ все тѣло, или предоставляетъ это друзьямъ за взаимную услугу. Во второмъ случаѣ—безъ особеннаго нагрѣванія еееелу кладутъ на скамейку, одежду приподымаютъ или заворачиваютъ кверху и наносятъ еееелѣ удары по нижней части тѣла. Въ первомъ случаѣ еееела обыкновенно кричитъ, во второмъ воетъ.

Дѣйствіе такой въ общемъ несложной манипуляціи чудесно. На нѣкоторое время еееела преобразуется. Становится подвижной, работоспособной, даже ловкой. И хотя во время примѣненія розги въ холодномъ видѣ еееела какъ-будто испытываетъ и нѣкоторыя неприятыя ощущенія, но это ей настолько помогаетъ, что она съ благодарностью относится къ оператору.

Второе средство, которое доставляетъ еееелѣ необходимое возбужденіе, это, какъ и можно было догадаться, алкоголь. Онъ опять-таки примѣняется двояко. Или при каждодневномъ употребленіи небольшой дозы, которая называется „мерзавчикомъ“ и другими подобными именами, или въ видѣ періодическаго опьяненія (alcoholismus sarcoticus). Лучшие экземпляры еееелы пользуются именно вторымъ способомъ.

Остановимся на немъ подробнѣе, ибо онъ нуждается въ специальныхъ методахъ ухода и обращенія. Еееела запойная во время наступленія періода освѣженія нуждается во-первыхъ въ соответственномъ количествѣ спирта, а во-вторыхъ въ особомъ для этого помѣщеніи (холодная, каталажка и т. д.). Процессъ алкогольнаго отравленія у еееелы протекаетъ въ общемъ благополучно. Не надо придавать значенія такимъ мелочамъ, какъ буйство, изувѣченіе себя и ближнихъ, вопли, слезы, пьяный смѣхъ и спанье по канавамъ, съ отмороженіемъ членовъ. Съ этимъ приходится неизбѣжно мириться, такъ какъ этимъ покупаются слишкомъ серьезныя выгоды.

И въ самомъ дѣлѣ. Еееела безъ пьянства жить не можетъ. Весь душевный миръ еееелы, ея, можно сказать, состояніе непрестаннаго довольства, основано столько же на прирожденной наивности, сколько на періодическомъ или длительномъ опьяненіи. Лишить еееелу невинности или алкоголя, это равнозначно. Познавъ шантаны, она не станетъ болѣе работать, лишившись алкоголя, одичаетъ. И въ первомъ и во второмъ случаѣ гибель еееелы неизбѣжна.

Главное, надо понять еееелу и не судить объ этомъ чловѣкообразномъ по себѣ. Скорѣе еееела ближе къ четверорукому, чѣмъ къ намъ. И не надо смущаться, а тѣмъ болѣе препятствовать въ собственномъ ей поведеніи. Еееела до сихъ поръ передъ спариваніемъ щиплетъ, бьетъ и толкаетъ избранную особь. Еееела вмѣстѣ съ тѣмъ любитъ разрушеніе и погромы. „Свернуть скулу“, „раздробить зубы“, „повыдергать руки и ноги“, „заломить“, „сadanуть“, „накласть по шеямъ“—вотъ еееелины выраженія, которыя рисуютъ ея любимѣйшія развлеченія. Характерно, что даже для

выраженія симпатіи у еееелы употребляются скандальныя и позорящія ругательства: „стерва“, „сукинъ сынъ“, „чортова мать“, „скотина“,—таковы любимѣйшія ласкательныя, къ которымъ часто присоединяются ругательства, позорящія самое священное для человѣка, его маты!

Желая имѣть дѣло съ еееелой, надо къ ней приноровиться. Иначе можетъ произойти пагубное непониманіе. Это стоитъ, конечно, культурному человѣку большихъ жертвъ. Что дѣлать, иначе мы сдѣлаемъ еееелу несчастной или даже ее погубимъ. Здѣсь говорятъ не только мотивы законнаго интереса, но и состраданія. Дайте ей то, чего она проситъ. И если еееела при спариваніи горланить и визжитъ какъ котъ на крышѣ, то заткните уши, но не препятствуйте. И если ей нужно шулодробленіе и погромъ,—организируйте это сами.

И если намъ противна кровь, выпущенныя внутренности, растерзанныя перины и поломанныя предметы, то не насилуйте еееелину натуру. Введите ее въ нормальные предѣлы и вы избѣгнете худшаго: полной разнузданности, всеобщаго хаоса

и крушенія культуры. Погромъ благоустроенный, это явленіе мѣстное и временное, такъ сказать, оттягивающее кровь какъ заволока у лошади. Погромъ неблагоустроенный—это революція.

Въ духовной своей жизни еееела безмѣрно счастлива. Три кита ей замѣняютъ проблемы мірозданія. Розга и приказаніе начальства—нравственность. Водка—религію. Чувственность—искусство. И невинность—философію. Цѣльное и непосредственное міровоззрѣніе, отъ котораго такъ далеко ушли мы, избранники прогресса. Неудивительно, что среди насъ такъ много голосовъ, требующихъ возвращенія назадъ, къ еееелѣ!

Но этотъ міръ для насъ погибъ. Мы слишкомъ далеки отъ него. Мы можемъ создать счастье еееелѣ, но не себѣ. Мы слишкомъ утонченны и сложны, слишкомъ деликатны и изломаны.

О добрая, святая, чистая въ своемъ невѣдѣніи еееела! Какъ мы подчасъ тебѣ безнадежно завидуемъ.

М. Рейснеръ.

МАРИНЪ.

Бальмонтъ шамажктъ.

Замѣтка.

Бальмонтъ, одинъ изъ нашихъ крупнѣйшихъ поэтовъ...

Заль городской думы, до невозможности переполненной жаждающими послушать голосъ истинной поэзіи, особенно дорогой сейчасъ, когда такъ давить долгая и тяжелая война...

„Поэзія какъ волшебство“. Хорошая тема. И думалась, что насъ поэтъ введетъ въ свое святое святыхъ, пріоткроетъ хоть отчасти завѣсу тайны надъ творчествомъ, надъ тѣмъ, какъ совершается чудо воскресенія жизни въ прекрасномъ словѣ.

Напрасно. Оказывается, нашъ поэтъ задался совершенно иною цѣлью. Онъ рѣшилъ не открыть тайну поэзіи, а самую поэзію погрузить въ тайну, сдѣлать ее орудіемъ ей постороннихъ цѣлей, превратить ее въ средство хироманта, вѣдуна, шамана, кудесника.

Какой ужасъ, какая измѣна самому великому и святому въ искусствѣ. И не улыбка ироніи, а крикъ негодованія должны отвѣтить измѣннику.

Какъ это случилось? Отвѣтъ на это весьма простъ. Поэтъ всегда стоитъ между двумя мірами: темной бездной мистики и яркой, блещущей формой красоты. Необходимымъ и роковымъ образомъ онъ связанъ съ ними.

Ибо въ мистическомъ провалѣ вся полнота жизненного алканія. Ужасъ безформеннаго, безконечнаго, несказаннаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ источникъ всякаго оплодотворенія, необъятное богатство нерожденного.

По выраженію того-же Бальмонта — дыханіе вѣтра, заставляющаго разгорѣться тлѣющей уголь.

Въ мистикѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и страшная сила притяженія. Ибо тамъ непосредственное ощущеніе жизни, ея опьяненіе, экстазъ, сладость вѣчнаго напряженія. Такъ отрадно къ ней вернуться, въ ней раствориться, утонуть. Это бездна съ манящими глазами.

Ея символика, призывы, напѣвности, по существу лишены эстетическаго характера. Въ нихъ ритмъ и повторяемость усыпленія, гипнозъ обволакивающаго тумана, внушеніе властнаго, все растущаго слова велѣнія или приказа.

Болѣе того. Мистическая символика не только можетъ совершенно обойтись безъ поэзіи, но прямо враждебна ей. Ибо поэзія имѣетъ цѣнность въ себѣ, а мистическій символъ признаетъ лишь одну цѣнность — за собою, тамъ въ глубинѣ, которая растетъ и поднимается по зову.

Поэтъ — рыцарь красоты. Ему данъ мечъ. Онъ вѣчно борется съ мистикой, похищаетъ части ея хаоса и заставляетъ ихъ жить въ драгоценныхъ многоцвѣтныхъ, переливающихся всею радугой, кри-

сталахъ творчества, въ формѣ вѣчно рождаемой Афродиты.

Бальмонтъ измѣнилъ этому призванію.

Онъ пошелъ на выучку къ мексиканцамъ, полинезійцамъ, древнимъ германцамъ, и не сумѣлъ различить первыхъ проблесковъ истинной поэзіи, и дребезжащаго голоса обнаженной и страшной мистики.

Мало того. Онъ пустился въ какую-то наивную, младенческую этнографію, психологію, палеонтологію для того, чтобы доказать на безчисленныхъ иллюстраціяхъ изъ Ведъ, китайскихъ и египетскихъ надписей, юкатанскихъ сказаній и подобнаго, въ сырую грудю сваленнаго, матеріала, что первобытные люди употребляли слово съ магической цѣлью или предавали ему магическое значеніе.

Во второй части лекціи нашъ поэтъ завершилъ картину. Во вкусѣ средневѣковыхъ схоластовъ и алхимиковъ онъ построилъ цѣлую систему черной и бѣлой магіи на толкованіи отдѣльныхъ буквъ и звуковъ. Порою казалось, положительно, что слышишь бредъ чловѣка одержимаго болѣзненно сочетанія понятій не по ассоціаціи сходства, а прямо по смѣжности, или-же острой формой патологическаго болтанія (лалліи).

Финаломъ былъ настоящій актъ волхвованія или шаманскаго бѣснованія. Поэтъ использовалъ здѣсь свой великій даръ для того, чтобы воспроизвести съ маорійской или малайской экспрессіей „священные наговоры“, заговоры, заклинанія и завыванія бѣснующихся жрецовъ, факировъ и прочихъ артистовъ своего дѣла и погрузить публику въ состояніе транса, ничего общаго съ поэзіей не имѣющаго.

И это ему удалось. Раскрытые рты, побагровѣвшія физиономіи, выпученные глаза, каталептичскія позы — казалось, одинъ моментъ, и начнется не то хлыстовское радѣніе, не то брокенскій шабашъ. Особенно жалко было смотрѣть на учащуюся молодежь и женщинъ. Онѣ прямо были въ состояніи сомнамбулизма или гипноза.

А онъ, поэтъ, растоптавшій поэзію во имя шаманства, красный, страшный, обезображенный судорогами, пробѣгавшими по его глазамъ, призвавшій мракъ и смерть въ свѣтлый храмъ торжествующей формы, онъ праздновалъ свою великую измѣну искусству и закидывалъ все больше и больше свою маленькую головку за спину.

Смѣшно и стыдно. И стыдно потому, что никто смѣхомъ не разрушилъ чуда „меряченья“, никто не покинулъ этого торжища искривлявшейся поэзіи.

Очевидно, по шаману и его вѣрная чандала.

Маринъ.

Заклѣжаніе.

Мѣримъ. Вѣримъ. Мѣримъ. Вѣримъ.
 Вѣтеръ дуетъ. Онъ пришелъ.
 Кто не хочетъ бѣды и золь,
 Стань шаманомъ или звѣремъ!

Я не мамонтъ. Я Бальмонтъ.
 Какъ и я четвероноги
 Плюйте боги, дуйте боги
 Въ Маорійскій горизонтъ!

Сергей Кремковъ.

П. БЪЛОЗЕРСКИЙ.

О Рудинѣхъ и Заратустрѣ.

Какъ это было просто и хорошо у Пушкина.

Было „время“, были „мудрые“, и вотъ, они искали.

И въ этомъ исканіи, конечно, и заключался смыслъ мудрости.

По добрымъ старымъ философамъ, мудрость была „субстанціей“, мудрый и его исканія „модусомъ“ и „аттребутомъ“. Такъ было, читатель, въ доброе старое время. Если не считать только...—ну, маленькихъ неясностей.

Ахъ, теперь уже нѣтъ ни „времени“, ни „мудрыхъ“.

Теперь уже вообще *такого* нѣтъ. То скромное, симпатичное „я“, за которое хватались въ свое время богобоязненные скептики и идеалисты, съ потребностью утвержденія и реальности, гдѣ оно теперь? Его разложили, растлили и стерли въ порошокъ теперешніе „познающіе“. Его сдѣлали діалектической формой. Время тоже исчезло, остался „рядъ состояній въ эволюціонномъ развитіи“.

На смѣну старушки-мудрости, стало „что-то“ и законъ его развитія, не то чтобы причинный, однако и не безпричинный.

О прежде грозномъ для слабыхъ умовъ „Ничто“ люди по прежнему боятся разговаривать—только уже съ другой стороны: господа биологи такого понараскажутъ о протоплазмѣ, что про „Ничто“ уже больше не заикнется ни одинъ себя уважающій мудрецъ. Ну, а какой же мудрецъ себя не уважаетъ.

Кромѣ, конечно, — мнѣ господа — совѣстно, — тѣхъ милыхъ старичковъ, —хе-хе.

Итакъ „что-то“, не то амѣба, не то атомъ или іонъ, и, имѣющій касательство къ причинности, законъ его развитія. Ихъ Манчестеръ я назвалъ Ливерпулемъ. Но кто-же въ наше время утвержденной невозможности абсолютныхъ сужденій сталъ бы настаивать на абсолютно соответствующемъ дѣйствительности пониманіи...

Э, бросьте. Рациональное пониманіе, формальное доказательство, отвлеченная послѣдовательность, какъ это все грубо элементарно.

Доказательства десять лѣтъ назадъ не доказаль Левъ Шестовъ, а невозможность классовыхъ положеній черезъ десять лѣтъ будетъ провозглашена тонкими скептиками логики (что передъ ними будутъ тѣ, милые...), и намѣнается уже въ наше время выросшими изъ одежды старой школы приватъ-доцентами (да не потревожу я ихъ познающій духъ!). Впрочемъ, какой-тамъ духъ. Нѣтъ ничего отъ *того*. Есть „законосообразное развитіе“.

„Издавна мудрые искали“.

Чего? Субстанціи? „монады?“—Боже упаси; амѣбы, протоплазмы; Что за невѣжество!

Да, амѣба.

„Милая, старая амѣба“, — будутъ выражаться тѣ, будущіе.

Хорошо, но почему „Рудинъ“? робко спросить смущенный читатель.

— Ахъ, Господи, одна изъ стадій развитія.

— Амѣбы?—Вотъ, вотъ.

Но довольно объ амѣбѣ! О другомъ, можетъ быть, такомъ-же смѣшномъ Рудинѣ-нашемъ! И его надеждъ—высшемъ Рудинѣ—Заратустрѣ!

* * *

За его высшею цѣлью безконечная сложность оцѣнки.

За маской гордой полифоніи утонченнаго сверхчеловѣка тоскующая душа дѣтски-чистаго человѣка—его творца. Великая въ стремленіи, создала она сверхчеловѣка, какъ смыслъ и надежду. И для него создала еще и новый міръ.

Только, новый-ли міръ?—Тише, въ немъ надежда. И вотъ—Заратустра. И вотъ передъ нимъ міръ.

Плохой? хороший?—Молчите, онъ оцѣниваетъ.

Оцѣнилъ Заратустра. Былъ полонъ силъ и преодолѣніе поставилъ мѣриломъ цѣнности.

„Скрижалъ добра виситъ надъ каждымъ народомъ. Смотри, это скрижалъ преодоленій его!“

Новую любовь создалъ онъ въ своемъ сердцѣ. Новый смыслъ вложилъ въ существованіе амѣбы.

„Будущее и дальнее да будетъ для тебя причиной твоего сегодня“.

Тонкой и острой стрѣлой Заратустра пустилъ въ безконечность свою тоску по дальнему и точку паденія ея обозначилъ: сверхчеловѣкъ. И звеня ея, вонзавшейся въ небо, наполнилъ надеждой создавшаго Заратустру страдальца.

Въ этомъ—символь. И мы—тоже въ этомъ.

Не сверхчеловѣки и не мосты къ нимъ еще мы.

Мы только созидатели потустороннихъ міровъ. Еще потусторонній міръ для насъ—Заратустра.

И кто знаетъ, можетъ быть и сверхчеловѣкъ станетъ не потустороннимъ міромъ.

Возвысьте еще человѣка, чтобы было что преодолѣвать, а не только „тоскующую душу“ и „ахъ, я знаю, что ничего не знаю“.

Любилъ Заратустра, когда его достойно чтили. И по своему понималъ достоинство.

По своему и я хочу почитать его „свое“.

Моя выдумка—Заратустра,—такъ говорю я; и добавляю: мой крюкъ.

На тебя, о мудрый персъ, вѣшаюсь я и держусь обѣими руками. Не выдерживаль-ли ты и себя самого надъ глубочайшими безднами, Мюнхгаузенъ новой закваски. Такъ удержи и меня, пока не стану я надъ своей пропастью и на своихъ длинныхъ ногахъ. На тебя стану я тогда, проэкторный фантазмъ, и повѣрю, въ томъ твой почетъ; мостомъ ты хотѣлъ быть, и вотъ я перехожу по тебѣ и на закатѣ самъ лягу для высшаго.

* * *

А пока—о мудрости!

Кто она, само себя язвящее отображеніе жизни и ея злѣйшій врагъ? Ставившая у жизни даже ея золотую удочку, на которую идутъ „и самые старые карпы?“ Которая кажется всего обольстительнѣе, „когда она злословитъ о самой себѣ?“

— Это порожденіе жизни, переросшее мать и на нее возставшее. Это сначала маленькій пособникъ Заратустры въ преодолѣніи, ставшій тираномъ и одолевашій самого Заратустру.

Мудрость—храмъ на бесиліи всесъѣдающей мощи ума. И она же святотатецъ, оскверняющій этотъ храмъ.

Нутро и тайна мудрость. Наша,—Рудиныхъ, кошмарная и затягивающая тайна.

Заратустра даже не можетъ отличить мудрость отъ жизни. Хвалебные гимны мудрости обращаетъ онъ къ жизни, и та злобно надъ нимъ смѣется.

Задумывается недоумѣнный преодолѣватель: вырастаютъ въ немъ рожденные вечеромъ (и его, наконецъ, захватившіе) проклятые вопросы.

* * *

Недоумѣнный сверхъ-человѣкъ!— Это звучитъ — какъ: нерѣшительный полководецъ!

Но это только вечеромъ; передъ полночью только смѣютъ выползати изъ запретныхъ тайниковъ преодолѣвателя уязвленные мудростью вопросы, манить и завлекать его, борца, дерзаютъ въ глубину омота безсилія и сомнѣнія, волшебныхъ чаръ апатіи и созерцанія.

И тогда глубина полночи,—мировая глубина, раздвигается и находитъ на него и пронизываетъ его и стягиваетъ въ мракъ, самого дѣлаетъ мракомъ.

Но, какъ Тильтиль въ сказкѣ Метгерлинка послѣ

жуткаго ожиданія увидѣлъ, что на кладбищѣ „мертвыхъ нѣтъ“, что тамъ въ полночь выросли только вовсе не страшные цвѣты невиданной красоты,—Заратустра потерялъ мракъ, погрузившись въ него.

„Скорбь міра—эта глубина;—
Но радость глубже, чѣмъ она;
А радость рвется въ вѣчный день,
Въ желанный вѣковѣчный день!“

Поднялось и глянуло въ очи Заратустрѣ имъ рожденное свѣтило. Вопросы исчезли и совокупность сложнаго—міръ, дневной и солнечный, открылся взорамъ творца свѣта.

Новый ли міръ? Нѣтъ,—нашъ; но свѣтлый.

И мудрость вернулась къ тому, съ чего начала, и этимъ закончила одинъ изъ періодовъ „вѣчности—вѣчнаго кольца колець—кольца возвращенія“.

* * *

Наше, мое созданіе—Заратустра. Прозекторная диалектика—художественное творчество создало его небудничный и на время спасительный образъ. Наша моя, страшная жизненная сила въ порывѣ бѣшеннаго стремленія выявила эту единственную женщину, отъ которой Зороастръ хотѣлъ имѣть дѣтей,—вѣчное возвращеніе жизни; въ ней же нашъ единственный смыслъ.

Та-же сила сумѣла перевернуть и подчинить себѣ опасную игрушку—мудрость. Свою потребность преодолѣнія перенесли мы на сверхъ-человѣка.

„Новой гордости научило меня мое „я“, этой гордости учу я людей: не прятать больше голову въ песокъ небеснаго, но высоко носить ее, земную голову, создающую смыслъ земли“.

Изъ прозекторно-небеснаго сверхъ-человѣка, да будетъ осуществленный человѣкъ. И тогда, можетъ быть...

Прочь апатію и миражъ созерцанія. Мы, Рудины словоговоренія и литературы, той самой, которая есть проституція души, и отъ которой мы не можемъ отказать, исполняя свое и преодолѣвая отвращеніе къ ней, зовемъ себя къ земной жизни. Формы для единой, мощной и многообразной нутряной силы!

И пусть мудрые снова ищутъ! И да будетъ въ исканіи находка!

Жить! Преодолѣвать! И достигать!

...Или мы *только* Рудины.

II. Бьлзоверскій.

„Краса“.

Какъ намъ сообщаютъ изъ особо компетентныхъ источниковъ, именно въ ноябрѣ сего года, но никакъ не ранѣе, русское общественное мнѣніе послѣ упорнаго сопротивленія отступало на заранѣе заготовленныя позиціи.

По словамъ очевидцевъ, великій отходъ совершился въ полномъ порядкѣ. Смолкли рѣзвыя частушки г. Сологуба, Леонидъ Андреевъ, при громкихъ одобрительныхъ кликахъ „Биржевыхъ Вѣдомос-

стей“, произнесъ прощальное слово „Въ сей грозный часъ“.

Чудеса храбрости и самообладанія высказалъ „Современный Миръ“, подъ ураганнымъ огнемъ непріятели предавшій землѣ останки безвременно погибшихъ Лукоморцевъ.

Передаютъ, что закаленные воины, на все время Отечественной войны уклонившіеся отъ полученія гонораровъ, не могли скрыть трогательнаго волненія при видѣ скромной братской могилы. Сколько блестящихъ возможностей, чистыхъ юношескихъ надеждъ...

Однако долгъ—прежде всего. Тихіе, но твердыя слова команды вернули мужество всѣмъ неувѣреннымъ и слабосильнымъ!

Плотнѣе сомкнулись ряды, и скоро послѣднія обгорѣлыя постройки Эртелева переулка остались гдѣ-то позади. Все мертво и пустынно. А давно-ли въ тихомъ уединеніи Литейной части текла счастливая жизнь, и граждане безбоязненно вкушали плоды мирныхъ и праздныхъ трудовъ. А теперь!

Но нѣтъ, вражеской ногѣ не суждено освѣрнуть сердце земли русской. Это мѣсто свято!

Вотъ оно „просыпается, красовитое слово народное“. На зло „шептунамъ“ и „фыркателямъ“ приходитъ оно, чтобы занять подобающее мѣсто среди безпорядочно-бѣгущихъ толпъ.

Сюда, „наслѣдники Баяновы“, собирайтесь къ „думнымъ соснамъ“, подъ крыло „сиринь-птицы“, къ „святотѣйнымъ платамъ юродивыхъ угодниковъ“!

Напрасно „изгиляется Вильгельмище“, сидя за буераками“. Пришелъ часъ, дрогнула „скуфья стопудовая“, блеснули „отмычки золотыя во персты сахарныя“, во весь ростъ поднялась Матушка-Россия.

Видно не даромъ добрый молодець, младъ-Есенинъ изъ Рязани потряхивалъ кудрями русыми, приплясывалъ ножками рѣзвыми!

Не даромъ и Ремизовъ, „старецъ-угрюмецъ“, сорокъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ простоялъ, „камень не камень, твердый, какъ камень“.

А „кружевница трущобная“, кроткій отрокъ Городецкій! Поетъ звонкимъ голосомъ псалмы іорданскіе, тутъ вдовицу неутѣшную привѣтитъ, тамъ голоднаго обогрѣетъ, шелудиваго обласкаетъ.

Пусть ты много перенесла, „родина страдалая“, но за такими богатырями не бывать, тебѣ, „уточкѣ безъ селезня“.

По городамъ и селамъ ограбленнымъ пройдутъ Баяны добросердныя, „пытливыя остроглазые“. На землѣ, кровью омоченой, вырастутъ „часовенки расписныя, съ пѣтушками и зайчиками на крылечкѣ узорномъ“.

Слезы горячія, тобою, родина, въ позорѣ и томленіи пролитыя, соберутся „въ купели древнія, самоцвѣтными камнями обкладенныя“.

Все простится, все забудется, выше прежняго зашумятъ лѣса непроходимые, расплзутся болота зыбкія. Какъ ненужное сновидѣніе, промелькнетъ скудная маята жизни.

Не надо словъ тревожащихъ, не надо надеждъ мучительныхъ—въ сладкомъ умиленіи, въ тихой пристани юродиваго благодушества—вѣчный покой и вѣчное счастье!

Л. Храповицкій.